

Предупреждение: упоминание о насилии и мыслях о самоубийстве.

- Ее жизненные показатели выглядели стабильно, - доктор растянул длинный отчет и читал его, одновременно говоря. - Сразу после того, как мы ее реанимировали, все было в порядке. С чего бы у нее вдруг начались конвульсии?

Мадам Тан потеряла сознание и начала биться в конвульсиях. Она все еще невнятно выкрикивала что-то вроде: «Это была идея твоего отца!», «Это не я, это он сказал мне отправить ее на тот свет!» Тан Ци тогда нажал на звонок, чтобы вызвать врача, который должен был ее спасти. По правде говоря, в сложившейся ситуации, когда ее здоровье стремительно ухудшалось,* врачи больше не стали проводить какое-либо интенсивное лечение. Они всего лишь восстановили ее жизненные функции и ввели транквилизаторы, чтобы она уснула и смогла прожить еще несколько дней. [Прим. англ. пер. 油尽灯枯 (dēng jǐn yóu kū) - буквальный перевод «масло догорает, и свеча гаснет», относится к человеку, который приближается к концу жизни.]

Перед пребывавшим в замешательстве доктором стояли два брата. Один - с ничего не выражавшим лицом, другой - с мрачным видом. Доктор мудро решил прекратить расспросы и ушел, прихватив с собой отчет.

- Я тоже уйду, меня ждет друг, - сказал Тан Цу.

- Я... - Тан Ци выглядел так, будто не мог на что-то решиться, но в конце концов уныло произнес. - Тогда уходи. Гэ, не обвиняй меня в эгоизме. Она поступила с тобой неправильно, поэтому то, что ты о ней не заботишься, вполне оправдано. Но, честно говоря, мне... Мне она не причинила никакого непоправимого вреда, и я не могу теперь бросить ее на произвол судьбы.

Существование Тан Ци было последней соломинкой, за которую цеплялась мадам Тан. Или, судя по обвинениям, которые она только что выкрикивала, последней каплей, которая укрепила решимость ее мужа. Но несмотря на то, что лично Тан Ци винить было не в чем, Тан Цу, который тогда был еще мал, с детства не сближался со своим младшим братом, а их мать обожала и баловала того с самого рождения. Теперь, когда братья стали взрослыми, они оба друг для друга были чужими. Для них было в порядке вещей помочь брату, но на самом деле понять друг друга они уже не могли.

Тан Цу не собирался перетягивать Тан Ци на свою сторону, как и не собирался объясняться с ним. Он кивнул, показав тем самым, что понял, развернулся и пошел к двери.

- Когда она придет в сознание, я с ними поговорю, - пообещал Тан Ци. - Мы убедим ее, что она поступила неправильно.

Тан Цу покачал головой. Он не думал, что Тан Ци добьется успеха. Нелегко в одночасье вырвать из головы давно укоренившиеся идеи. В последние моменты жизни мадам Тан не только не удалось осуществить давнее желание, но ей все еще предстояло пройти допрос и

свести счеты со своим самым драгоценным младшим сыном. Тан Цу боялся, что это лишь снова взволнует мать, от чего она опять потеряет сознание.

- Гэ, когда тебя положили в больницу... - Тан Ци не сумел удержаться, и в конце концов спросил. - Тогда она заставила тебя признать, что ты болен и бредишь, и весь этот инцидент был бредом?

В прошлом, когда Тан Цу не сумел подать заявление в полицию, господин и госпожа Тан использовали это оправдание, чтобы опровергнуть слова своего маленького и неопытного сына. Тан Цу некоторое время молчал, а потом ответил:

- Не совсем...

Однако объясняться со своим младшим братом он не хотел. Он еще раз попрощался с Тан Ци и вышел из больничной палаты.

В углу коридора стояли Линь Лун и Лу Ляньгуан. Они тихо говорили о чем-то, и, похоже, тема была не из приятных. Тан Цу даже немного удивился, внезапно увидев эту сцену. Ему потребовалась всего пара секунд, чтобы сообразить, что Лу Ляньгуан, автор оригинального романа «Книга Ласточек», и актриса, игравшая главную роль в драматической адаптации, - Хэ Гуан Тун Чэн и Линь Лун - были знакомы друг с другом.

Увидев, что Тан Цу вышел, они закончили разговор. Больница была неподходящим местом для шуток типа: «Какое совпадение, вы тоже знаете друг друга», поэтому Тан Цу просто вежливо поздоровался с Линь Лун и вместе с Лу Ляньгуаном покинул отделение неотложной помощи.

Стояла глубокая ночь.

Рядом с Лу Ляньгуаном защитные механизмы Тан Цу отключались, и он снова начинал говорить длинными предложениями:

- Вы... с Линь Лун недолюбливаете друг друга? Только что у тебя на лице было не очень хорошее выражение.

Подумать только - первым, что он сказал, выйдя из больницы, стало беспокойство о том, конфликтовал ли с кем-нибудь Лу Ляньгуан.

- Нет, - Лу Ляньгуан был ошарашен и покачал головой, - на самом деле мы довольно хорошо поладили. Раньше у меня было одностороннее недопонимание на ее счет... Ну, во всяком случае, сейчас мы говорили об инсайдерских новостях из индустрии развлечений. Линь Лун сообщила мне, что роман, который я вот-вот закончу, уже предварительно забронирован компанией «Лю Цзинь Entertainment». Pen Nib больше не собираются вести переговоры с другими компаниями, по всей видимости, они остановились на этой.

«Лю Цзинь Entertainment» производила ужасающие шоу, но при этом не останавливалась ни перед чем, чтобы повысить их популярность, а еще наловчилась адаптировать романы так, что читатели даже не хотели признавать их продукт. Это была та самая компания, которой Тан Цу в свое время отказался продать авторские права. Из-за этого он был вынужден найти адвоката для ведения переговоров, а потом дистанцировался от Pen Nib.

Не так давно они вдвоем с Лу Ляньгуаном оплакивали роман Жень Чжэ У Ди, который был испоганен адаптацией. И вот нежданно-негаданно Лу Ляньгуан сам оказался в подобной ситуации.

- Почему они их выбрали? - нахмурившись, сказал Тан Цу. - Это никак не подходит для «Книги Ласточек».

- Потому что они дают много денег. Разве ты не знаешь, что представляет из себя наш господин Дун? - полушутя ответил Лу Ляньгуан. - К несчастью для них, на этот роман я подписал агентское соглашение. Неважно, как хорошо они провели переговоры, в конце концов им все равно будет нужна моя подпись... Не переживай, я поговорю об этом с Pen Nib.

- Тогда хорошо... Верно, ты только что сказал, что у тебя по отношению к Линь Лун было какое-то недопонимание?

- Я видел, как она держалась за руку с твоим младшим братом, - сказал Лу Ляньгуан. - Оказывается, она девушка твоего брата.

- Да, - понимающе откликнулся Тан Цу. - Ты поверил каким-то слухам про ее романы?

- Нет... - неловко произнес Лу Ляньгуан. - ...В тот день, когда я посещал съемочную площадку «Книги Ласточек», я увидел, как ты выходил из ее машины. Я всегда думал, что...

- Ты думал, что между нами что-то есть? - Тан Цу не знал, плакать ему или смеяться. - Это невозможно.

- Угу, я знаю. В конце концов, она - девушка твоего младшего брата.

Тан Цу остановился. Лу Ляньгуан в замешательстве повернул голову и увидел, что тот на него смотрит.

- Даже если бы она не была девушкой моего брата, это все равно было бы невозможно, - слишком серьезно сказал он.

Лу Ляньгуан знал, что Тан Цу готовился рассказать ему о некоторых вещах, и тихо и внимательно смотрел на него, всем видом показывая, что слушает. Тан Цу обернулся, бросил взгляд на комплекс зданий, окутанных тьмой, и отрывисто произнес:

- В предыдущий раз, когда я выходил из этого здания, тоже стояла ночь.

- Предыдущий раз? - Лу Ляньгуан знал, что он не возвращался в Китай много лет. - Это случилось, когда ты был школьником?

- Да, - тихо ответил Тан Цу. - В то время... я только что пошел в среднюю школу. И тогда я провел полгода в Сьюане.

- Тебя положили в больницу?

Тан Цу не ответил. Лу Ляньгуан проследил за его взглядом, и у него упало сердце.

Место, на которое он смотрел, находилось напротив здания больницы и было окружено высокими стенами.

Когда дунлинцы шутили или ругали кого-нибудь, они всегда говорили: «Сьюань сегодня закрыт?», «Что, двери Сьюаня сегодня как следует не заперли?», «Сьюань ждет тебя!» - там находился центр психического здоровья.

Лу Ляньгуан сумел удержаться и не показать, как он шокирован.

- О? Как так? - неуверенно спросил он.

- По бумагам у меня был аутизм и бредовое расстройство. Моя мать надеялась, что в этом месте меня могут каким-то образом «исправить» и оплатила шестимесячное лечение.

- А на самом деле?

Тан Цу отвел взгляд от здания и внимательно посмотрел на Лу Ляньгуана. Он оценивал ситуацию. Он оценивал Лу Ляньгуана, оценивал себя, то, как его воспринимал другой человек, оценивал их отношения, и смогут ли эти отношения выдержать воздействие слов, которые он собирался произнести.

Они были слишком близки... И перед этим даже спали на одной кровати. В то время Лу Ляньгуан ничего не знал, но он был добр к Тан Цу, и поэтому просто согласился. Если Тан Цу расскажет об этом сейчас, будет ли он...

Тан Цу опустил взгляд. Если на этот раз Лу Ляньгуан найдет его отвратительным и отстранится, то возможно, что в этой жизни у него больше не хватит смелости снова принять такое же решение.

- По правде говоря, в то время я только что... осознал свою сексуальную ориентацию. Мать тайно просмотрела историю поиска у меня на компьютере, и обнаружила, что... я гей, - медленно закончил Тан Цу.

В голове у него опустело, он очень нервничал. Тан Цу напряженно ждал реакции Лу Ляньгуана.

И в конце концов он дождался теплых объятий.

- Как ты вынес эти полгода? - спросил его Лу Ляньгуан, чувствуя неопишемую душевную боль.

Разве он не чувствует из-за этого беспокойства? Разве он не должен был сначала спросить...

- Электротерапия, занятия, инъекции, ограничение свободы, смиренная рубашка... - ошеломленно произнес Тан Цу. Это был первый раз, когда он по своей инициативе вспоминал и описывал свой невыносимый опыт кому-то другому. - В смиренной рубашке мне действительно было больно. Мой отец был знаком с вице-президентом больницы, а мать специально встретила с ним заранее, так что они тщательно «заботились» обо мне...

Лу Ляньгуан почувствовал, как похолодело все тело. Он сжал объятия, как бы гарантируя, что Тан Цу в его руках будет в безопасности и полностью защищен от всего. В его объятиях Тан Цу мог обрести утешение и смелость, которых у него раньше никогда не было. Но Тан Цу не смел сделать то же самое, полагаясь на то, что Лу Ляньгуан ничего не знал, и обнять его в ответ. Он неизбежно думал о том, как это могло на того повлиять.

- Я не знаю, сколько я смог выдержать. В конце концов я правда не смог больше держаться, и каждый день я постоянно думал о том, как бы мне покончить с собой. Но я не хотел умирать там, меня мучила эта мысль. Я начал притворяться, будто вылечился, и пошел против истинных желаний своего сердца... Это ничуть не лучше электротерапии, - тихо сказал Тан Цу. - Они придумывали способы, как подтвердить, что я вылечился. Я притворялся очень долго, и меня наконец выписали. Но...

- Но после этого... я до сих пор не могу нормально общаться с людьми, - он мягко отстранился от Лу Ляньгуана и набрался смелости посмотреть тому в глаза. - Я не вылечился. Меня не нужно исправлять, да и сделать это невозможно, потому что я не болен, я таким родился. Извини, ты имел право это знать, я не нарочно скрывал это от тебя, да еще так долго. Я знаю, что ты натурал, и если ты себя неловко чувствуешь...

- Ты знаешь, что я натурал? - Лу Ляньгуан был не в состоянии сдерживаться дальше и перебил его. - Почему ты так решил?

- Потому, что большинство мужчин - натуралы, - Тан Цу был ошарашен. - А еще твой редактор сказала, что ты только что расстался со своей девушкой...

- Боже мой, Чжу Шень, какой ты наивный! - у Лу Ляньгуана ужасно болело сердце, но, когда он услышал эти слова, ему захотелось рассмеяться. - Это был предлог, который я придумал, чтобы оттянуть сдачу рукописи! В это даже моя редактор не поверила! Я не смог обмануть своего редактора, но и подумать не мог, что вместо нее я смог обмануть тебя! Ты и правда заслужил звание великого бога, который ни разу не задержал рукопись! Ты сказал одну-единственную верную вещь, про то, что после того, как я услышал, я действительно стал немного...

Лу Ляньгуан на мгновение замер. Он выглядел несколько раздраженным. Такая реакция была примерно тем, что Тан Цу и ожидал, - после того, как ты внезапно осознал, что твой друг, который того же пола, что и ты, с которым ты делил постель, на самом деле гей, вполне нормально испытывать некоторый дискомфорт. На самом деле реакция Лу Ляньгуана была очень спокойной, просто Тан Цу было жаль, что... вероятно, их отношения уже больше никогда не будут прежними.

- Только не говори мне - я что, действовал настолько плохо? Подумать только, ты вообще этого не осознавал? - раздраженно выпалил Лу Ляньгуан. - Если бы я узнал об этом раньше, то не пытался бы ничего скрывать!

Тан Цу был сбит с толку.

- Скрывать что? - смущенно спросил он. - Что я должен был осознать?

Лу Ляньгуан обнял Тан Цу за плечи. Его взгляд был теплым.

- Тан Цу, я за тобой ухаживаю, - искренне произнес он.